

---

---

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

## Из комментариев к «Слову о полку Игореве»

### 1. Лексема «лѣпо» в зачине «Слова» и ее переводы

Знакомство с передачей словоформы *лѣпо* во фразе «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие...» свидетельствует об отсутствии лексико-стилистической и грамматической обоснованности в ее переводах. Многообразие вариантов перевода представлено в следующем перечне:

Не ладно ли нам будет (С. В. Шервинский).  
Не ладно было бы (И. А. Новиков).  
Не любо ли нам было б (Г. П. Шторм, А. А. Косоруков).  
Не славно ли будет нам (Е. Н. Бирюкова).  
Не лучше ли нам (Ф. М. Головенченко).  
Не хорошо ли нам было бы (С. Н. Плаутин).  
Нам начать не благо ль (К. Д. Бальмонт).  
Не следовало бы ли (С. К. Шамбинаго).  
Не следовало бы нам (А. С. Орлов).  
Не подобало бы нам (В. А. Келтуяла).  
Не подобает ли нам (Н. К. Гудзий).  
Не пристало ли нам (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, Р. О. Якобсон, Н. А. Мещерский).  
Негоже было бы (А. Г. Степанов).  
Не уместно ль начать нам (С. В. Ботвинник).  
А не стоит ли нам (Б. А. Рыбаков).  
Пора нам (С. А. Басов-Верхоянецев).  
Не пора ли нам было (В. И. Стеллецкий).  
Не пора ли начать нам (С. В. Ботвинник, Н. А. Заболоцкий).  
Не пора ли нам (Л. И. Тимофеев).  
Не приспело ль ныне время (Н. И. Рыленков).  
Не время ли нам (И. И. Шкляревский).

Этот перечень вариантов перевода словоформы *лѣпо* убеждает в смысловой пестроте и, в большинстве случаев, стилиевой несообразности поэтическому зачину «Слова». На это обратил внимание А. К. Югов, считавший, что данную фразу «можно полностью передать другим древнерусским оборотом: „А было бы лепо нам, братья“: сохраняется и ритм и звукопись этого прекрасного зачина». «Да и не столь уже седой архаизм слово „лепо“! — продолжает Югов и заключает: — Нет никакого основания портить столь благозвучный и величественный зачин, заменяя слово „лепо“ ужасающими прозаизмами, как-то: „Не подобает ли...“, „Негоже было бы...“, „Не приспело ль...“...».<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Слово о полку Игореве / Пер., коммент. и статьи Алексея Югова. М., 1970. С. 121.

Внимание к зачину «Слова» было проявлено и В. А. Адриановой-Перетц в ее книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII веков».<sup>2</sup> Она подчеркивает реальность и древность бытования слова *лѣно* с инфинитивом в бессубъектном сказуемом, засвидетельствованного еще в Изборниках 1073 г. и 1076 г. и в Ипатьевской летописи под 1170 г., вложившей в уста князя Мстислава Изяславича, выступившего в поход против половцев, тираду: «А *лѣно* ли было, братья... поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своеи чѣсти».<sup>3</sup> Приводя обширный фразеологический материал из различных памятников письменности, в том числе и из текстов учительного жанра, Адрианова-Перетц не предлагает, однако, словарного заместителя слова *лѣно*.

Многочисленны конструкции с *лѣно* и инфинитивом в различных текстах, вошедших в Успенский сборник XII—XIII вв., современный «Слову». Изобилуют ими и фразеологические образцы, собранные в «Словаре-справочнике» «Слова», при отсутствии цитации мнений о слове *лѣно* в литературе по «Слову».<sup>4</sup>

Небольшое количество строк отведено объяснению слова *лѣно* и всей начальной фразы в комментарии к тексту «Слова» Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, присоединившихся к толкованию Пушкина, видевшего в начальной фразе «Слова» не вопросительное, а утвердительное обращение, согласующееся с пунктуацией мусин-пушкинского издания, снабдившего текст не вопросительным, а восклицательным знаком.<sup>5</sup>

Постатейный более подробный разбор сказанного в предыдущих строках будет сделан в своем месте. Здесь же мы ограничимся краткими библиографическими ориентировочными сведениями, вводящими читателя *in medias res*.

С. П. Обнорский относит древнерусскую конструкцию *лѣно* с инфинитивом к бессубъектным предложениям инфинитивного типа со сказуемым, выраженным прилагательным (причастием),<sup>6</sup> а А. Н. Котляренко включает ее в раздел безличных предложений, выражающих целесообразность совершения действия.<sup>7</sup> На мой взгляд, эта конструкция скорее оппозитивно-побудительная (адгоративная).

Такова историко-грамматическая характеристика словосочетания *лѣно* с инфинитивом, полностью оправдывающая его нахождение в тексте «Слова» и иллюстрированная многочисленным языковым материалом русской древности.

Переходим к обзору переводных вариантов *лѣно*, опираясь на различного рода показатели, должествующие стать ведущими, и устраняя интуитивно-поэтические внушения.

Начнем с того, что основными значениями слова *лѣно* в древнерусском языке были: *прилично, уместно, подобает* и т. п., перечисленные в «Словаре-справочнике» Виноградовой, из которых следует исходить в

<sup>2</sup> Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968. С. 47—48.

<sup>3</sup> Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 538.

<sup>4</sup> Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. С. 71—72.

<sup>5</sup> Слово о полку Игореве / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Реконструкция древнерусского текста и коммент. Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; Подгот. текста и примеч. Л. А. Дмитриева. Л., 1985. С. 441. (Б-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.).

<sup>6</sup> Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 175.

<sup>7</sup> Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 156.

подборе его современных лексических заместителей, сообразуясь с их грамматической и смысловой оправданностью. Семантика этих словарных вариантов не может не проявиться в значении искомым словарным эквивалентам современности, но решающим и императивным в нашем случае служит оттенок значения слова *лѣно* в контексте фразы «Слова» с учетом его грамматической принадлежности. А во фразе-зачине «Слова», как уже было отмечено, оно оптативно-побудительное и хорошо стилистически укладывается в обращение Бояна, звучащее как риторический вопрос.

Попытаемся разобраться в многообразии предложенных переводчиками словарных заместителей древнего *лѣно* и остановить свой выбор на наиболее близком к нему современному словарному соответствию, вооружась доказательственными аргументами различного порядка.

Оценку удачности имеющихся в современных переводах «Слова» словарных эквивалентов продолжим в порядке возрастающей их близости к словоформе *лѣно* в подлинном тексте.

Не отвечающие оптативно-побудительному смыслу словосочетания с *лѣно* эквиваленты переводов *пора*, *не пора ли*, *не приспело ли время*, *не время ли* и т. п. так же далеки от подлинника, как темпоральные, а не оптативно-адгоративные!

Приближающейся к оригиналу следует охарактеризовать группу заместителей *не следовало бы*, *не подобало бы*, *не пристало ли*, *негоже*, *не уместно ль* и т. п.

Наиболее точными видятся мне современные однословные заместители *любо*, *ладно*, *славно*, *лучше*, *хорошо*, *благо* *ль*, среди которых пальма первенства принадлежит слову *любо*, предложенному Г. Штормом и повторенному А. Косоруковым. Это свое впечатление постараюсь оснастить конкретными грамматическими и стилистическими соображениями, дающими знать о себе в словоформе *любо* при ее сопоставлении с *лѣно* «Слова».

Какие преимущества среди других переводных словарных заместителей древнего *лѣно* обнаруживаются в словоформе *любо*, предпочтенной Г. Штормом, и как они выглядят?

Как и *лѣно*, слово *любо* общеславянского происхождения и столь же древнее, будучи ровесником языка «Слова о полку Игореве». Давность его засвидетельствована Лаврентьевской летописью в выражениях: «Не *любо* ми есть в Киеве быти» в словах князя Святослава, обращенных к матери (969 г.), и «Отвещав же Володимир, рече: „Где крещенье примем?“». Они же рекоша: „Где *ти* *любо*“» (987 г.) — в ответе бояр. В Успенском сборнике XII—XIII вв.: «Аще вы *есть* *любо*» — в безличном сказуемом — в Житии Епифания Кипрского XIII в. и «Аще и колико *любо* *видети* беаше» — в Слове в субботу Лазарева.

Число примеров можно умножить, но и эти достаточно характерны.

Будучи ровесником *лѣно* ~ *лепо*, *любо*, вопреки налету патины веков, оказалось более долговечным и устойчивым в позднейшем словоупотреблении и менее «обветшалым», что привело к включению его в академический «Словарь современного русского литературного языка» как не утратившего полностью своей жизненности, в отличие от слова *лепо*, не получившего такого признания. *Любо* задержалось и в живом современном употреблении в выражениях «*Любо да дорого!*», «*Любо-дорого!*», «*Соловуху* *любо* *слушать*» — в безличном сказуемом.

*Любо* подобно *лѣно* тождественно ему и по своему употреблению в безличном сказуемом, и по сочетаемости с инфинитивом.

Выигрывает в своем заместительстве *любо* и по звуковой близости к *лѣно*: оба эти слова двусложны и начинаются и кончаются одинаковыми звуками — плавным согласным *л* и гласным *о*, содержат губные *б* в *любо* и *п* в *лѣно*.

Привлеченные факты неоспоримо выдвигают на первое место среди других предлагаемых словоформу *любо* и по ряду признаков затмевают их сообразность со словом *лѣно*, нарушаемую субъективным творческим произволением. Факты неотвратимы, и при их голосе и боги умолкают, — гласит древняя сентенция.

К слову *любо* примыкает и слово *ладно* с приниженным стилистическим оттенком, умаляющим выпретенное звучание *лѣно*. Колеблюсь и в отношении удачности привлечения слова *достоленно*, созвучного предлагаемому Юговым *лепо*, которое находит опору в употребительных в речевом обращении словах *достовѣрный* и *достопримечательный* (без пометы *устар.* в академическом «Словаре») и заслуживает того, чтобы обратиться на него внимание в поисках наиболее удачного заместителя *лѣно* в «Слове».

Надеюсь, что слова *любо* и *достоленно* попадут в орбиту внимания переводчиков «Слова о полку Игореве» как наиболее впечатляющие в словарном созвездии заместителей *лѣно* и что их приемлемость внесет одинаковость в перевод зачала «Слова», пестрящего отсутствием единоначатия, издавна требующего утверждения.

*Feci quod potui, faciant meliora potest!* — Я сделал, что мог, пусть могущий сделает лучше!

## 2. Чръленыя щиты в «Слове о полку Игореве» и в новгородской иконописи XV столетия

Упоминание *чръленых щитов* встречается в тексте «Слова о полку Игореве» в четырех выражениях, из которых наиболее показательны: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша» (10)<sup>8</sup> и «а храбрїи Русици преградиша чрълеными щиты» (13). Эти два выражения представляют возможности ответа на вопрос о составе Игорева войска в походе 1185 г. на половцев, продолжающий занимать исследователей «Слова», затронутый в статьях А. Н. Кирпичникова<sup>9</sup> и Н. М. Дылевского.<sup>10</sup> Подтверждающими высказанное в них и в «Слове» оказались и изобразительные особенности двух икон новгородского письма XV столетия.

В целях большей ясности разговор о *чръленых щитах* в «Слове» и на упомянутых новгородских иконах считаю нужным предварить кратким экскурсом в известное о воинских реалиях современной «Слову» эпохи.

Еще Псевдо-Маврикий, знаток военного дела VI—VII вв., писал в своем «Стратегиконе» о больших и неудобных щитах славянских воинов. А византийский хронист Лев Диакон в своей «Истории» (959—976) говорит о щитах русских пеших воинов князя Святослава, крепких и для большей безопасности длинных, до самых ступней,<sup>11</sup> что, по его мнению,

<sup>8</sup> Текст «Слова» цитируется по изданию 1800 г. с указанием страниц в скобках.

<sup>9</sup> Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств X—XIII вв. Л., 1971. С. 33—40. Автор отмечает, что воины шли на врагов, сомкнув щиты, и что именно эта тактика отражена в «Слове» во фразе «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша».

<sup>10</sup> Дылевский Н. М. Пешее войско в походе князя Игоря // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1998. С. 194—202.

<sup>11</sup> См., например: Лев Диакон. История. М., 1988. С. 70.

создавало неудобство при обращении с ними. Приводя эти сведения византийских историков, надо, однако, помнить, что описанное ими время древнее эпохи «Слова» несколькими столетиями. Но при медленности развития и совершенствования тогдашнего вооружения можно допустить неизменность защитных доспехов и щитов русских дружинников и в дни Игорева похода на половцев. Сообщения современников войн византийцев со славянами весьма красноречивы, и сомневаться в их достоверности не приходится.

Историк древнерусского оружия А. Н. Кирпичников относит к эпохе Ярослава употребление миндалевидных щитов, достигавших от половины до трети человеческого роста. А. Н. Кирпичников отмечает, «что в бою воины шли на врагов, сомкнув щиты, и что именно эта специфика боевой тактики отражена в „Слове о полку Игореве“ в выражениях „русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша“ и „а храбрии русици преградиша чрьлеными щиты“». <sup>12</sup> Это могло осуществиться воинами, упершими в землю островерхие щиты, плотно сомкнутые, как частокол, с угрожающе выставленными из-за них копьями. Это физическое действие ощутимо выражено в особенности глаголом *прегородиша* (с русским полногласием), находящим соответствие в употребленном в прямом значении глаголе *перегородити* в тексте «Русской Правды». <sup>13</sup>

В двух изображенных в «Слове» батальных эпизодах видит воспроизведение боевой действительности и Д. С. Лихачев, сопоставляющий их со словами Ипатьевской летописи о битве русских с половцами в 1185 г.: русским «...не бяшетъ бо лзе ни бегающим утечи, зане яко *стенами сильными* огорожени бяху полки половецскими». <sup>14</sup> На эти выражения обратил внимание и Б. А. Ларин, по словам которого, кликам «детей бесовых» русские воины противопоставили зловещее молчание и выставили как грозную твердыню свои сомкнутые красные щиты. «Какой глубоко продуманный контраст!» — восклицает он в своих «Лекциях по истории русского литературного языка». <sup>15</sup>

Того же мнения придерживается и Д. С. Лихачев в объяснительном переводе «Слова», говоря: «...а храбрые сыны русские *перегородили* [поля] красными щитами [в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами, проготовившись к отражению натиска]». <sup>16</sup> К такому объяснению Лихачев возвращается и в «Комментарии историческом и географическом» к «Слову». <sup>17</sup>

Прочную оборонительную стену на поле битвы можно было соорудить только плотно сдвинутыми и крепко упертыми в землю тяжелыми щитами.

Таковы итоги сказанного в ретроспективе, подводящие к свидетельству более поздней, средневековой новгородской иконописи.

На показания древней русской иконописи, относящиеся к воинскому вооружению, оборонительным приемам и ратному строю русских воинов, следует ссылаться с некоторой осмотрительностью, диктуемой возмож-

<sup>12</sup> Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С 38.

<sup>13</sup> Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 902.

<sup>14</sup> Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 405 (Сер. «Лит. памятники»).

<sup>15</sup> Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. (X—середина XVIII в.). М., 1975. С. 164.

<sup>16</sup> Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Объяснительный перевод // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 82 (Сер. «Лит. памятники»).

<sup>17</sup> Там же. С. 400.

ностью воздействия на средневековую русскую живопись византийской. Но с учетом привлеченного выше фактического материала и наблюдений историков эти опасения неоправданны.

Изобразительными образчиками батальных сцен русского средневековья в нашем случае могут послужить две иконы новгородского иконописания 60-х гг. XV столетия, вместившие в двух своих регистрах изображение битвы нападающих дружинников суздальцев и обороняющихся новгородцев. Битва эта, по словам известного русского искусствоведа и историка Виктора Лазарева, как изобразительный сюжет сделалась особенно популярной в период обострившейся политической борьбы Новгорода с Суздалем и Москвой.<sup>18</sup>

Первая из этих икон — наиболее ранняя из новгородских, изображающих осаду Новгорода князем Андреем Боголюбским и его суздальской ратью в 1170 г. и чудодейственную защиту Новгорода, исходящую от иконы Знамения Божией Матери, отраженную в возникшем средневековом сказании. Характеризуя эту новгородскую икону, Лазарев подчеркивает ее наглядность и образность, делающие ее эпизоды понятными с первого взгляда. Размещая ряды воинов один над другим и очерчивая их единой сплошной линией, новгородский изограф стремился создать этим впечатление массовости представленных персонажей.<sup>19</sup>

В среднем ярусе иконы пешие суздальцы справа от зрителя и обороняющиеся новгородцы на крепостной стене изображены в виде двух массивных групп, возглавляемых передовыми воинами, прикрытыми червленными и других расцветок длинными островерхими щитами. Полуоткрыто и выразительно изображены иконописцем защитники города, в то время как стоящие угрожающей твердыней справа пешие суздальцы прикрыты конными фигурами вступающих на поле битвы всадников. Центр яруса занят взаимно приближающимися конными фигурами новгородских и суздальских посланцев для ведения переговоров.

В нижнем ярусе иконы фланкирующие внушительные группы пеших новгородцев и суздальцев образуют фон, на котором изображены выезжающие слева из крепостных ворот предводительствующие новгородскую рать всадники — святые Борис и Глеб, Георгий Победоносец и Димитрий Солунский, посланные, по словам Сказания, Богоматерью на помощь прокровительствуемому ею новгородцам. Справа изображены смятенные чудесным видением конные суздальцы, обратившиеся вспять и оставившие на поле битвы убитых и брошенное оружие.

Знаток древнерусской иконописи Н. Г. Порфиридов считал эту икону «самостоятельной исторической картиной, с оригинальным содержанием и композицией».<sup>20</sup> А известный искусствовед А. И. Некрасов называл ее «картиной иконой».<sup>21</sup> Эта оценка двух видных исследователей древнерусской иконописи утверждает доверие к фактографичности изображенного на рассматриваемой новгородской иконе и приводит к определенным суждениям и выводам.

На другой новгородской иконе позднего XV в.<sup>22</sup> с тем же сюжетом, в среднем ярусе, в его правом от зрителя углу, четко выделяется прочно опоясанная длинными красными щитами группа стоящих плечом к плечу суздальских ратников с высющимися копьями. Оборонители же Новгоро-

<sup>18</sup> Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1969. С. 51.

<sup>19</sup> Там же. С. 36.

<sup>20</sup> Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 296.

<sup>21</sup> Некрасов А. И. Великий Новгород. М., 1924. С. 88. Некрасов датирует икону 1480 г.

<sup>22</sup> Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. С. 38, табл. 60 и 62.

да слева скрыты от противника за зубцами городской крепостной стены под сенью покровительствующей им Богородичной иконы. В центре видны все те же две конные группы новгородских и суздальских переговорщиков. Изображению щитодержащих суздальцев живописец постарался придать впечатление многочисленности и сплоченности. В нижнем ярусе, как и на первой иконе, изображено конное шествие новгородцев, ведомое упомянутыми святыми, движущееся на фоне многочисленного строя выстроившихся для отражения вражеского натиска и приступа новгородских бранников, огородивших себя красными щитами. В правом нижнем углу иконы видны смятенные видением суздальские конники.

Доминантой для нас на обеих иконах служат обороняющиеся и нападающие, держащие длинные красные щиты, говоря современным языком, принятые на вооружение в древнерусском войске, изображенные и фрагментарно в книге Лазарева.<sup>23</sup>

Исходя из предпосылки о продолжительности и устойчивости боевого построения древнерусских дружин, додержавшегося до середины XVII столетия и запечатленного еще изобразительной традицией XV в., мы приходим к неотвратимому убеждению, что, сами не предполагая того, оба новгородских иконописца воочию воспроизвели реальность батальных эпизодов осады Новгорода суздальцами в 1170 г., предварившей битву Игоря с половцами всего лишь 15 годами. На обеих новгородских иконах *живописное, зрительное* впечатлительно перекликается со *словесным, звучащим* упоминанием в «Слове о полку Игореве» русских воинов, угрожающе преградивших «великая поля» половецких степей своими сомкнутыми щитами. Словесное и зрительное сочетаются воедино, подтверждая происшедшее и отображенное в поэме о походе князя Игоря и его соратников и дружинников. Зряй да разумеет!

---

<sup>23</sup> Там же. Табл. 53, 62 и 63.